

Реформа способствует усилению монополизма

*На вопросы журнала отвечает член Президентского совета,
президент Лиги кооператоров и предпринимателей России
академик РАСХН ВЛАДИМИР ТИХОНОВ **

«ОНС» Вот уже два года, как реально начались экономические реформы в России. И хотелось бы поговорить о том, что уже сделано, в чем допущены ошибки, какие задачи стоят сегодня перед реформаторами. Как мне кажется, было бы интересно взглянуть на протекающие в экономике страны процессы сквозь призму проблемы монополизма. Сама тема монополизма в нашей хозяйственной жизни не очень-то часто включается в контекст анализа хода реформ, а вместе с тем, как представляется, именно здесь целесообразно искать ответы на многие мучающие нас вопросы.

В. Т. Я хотел бы начать свой ответ немного издалека, хотя споры, которые мне сегодня вспоминаются, были, можно сказать, еще «вчера». Я вспоминаю 1989 год. Это было очень любопытное время, окрашенное неким розовым романтизмом. Тогда мы полагали, что главное — провозгласить лозунги демократических реформ. Эти лозунги воспримет основная масса населения, и тогда мы сможем провести соответствующие преобразования. Как мы сегодня видим, на практике все получилось, мягко говоря, не совсем так. Но уже тогда у нас возникали споры методологического характера о том, к какому обществу мы стремимся и к какому обществу можем прийти.

В частности, вспоминается один интересный «круглый стол», проведенный тогда «Московской трибуной» — организацией, объединявшей лучшие интеллектуальные силы Москвы, и не только Москвы. Я высказал тогда то, что меня тревожило. Мы привыкли жить в государстве, в котором преобладали принципы жесткого государственно-монополистического устройства экономики. И я уже тогда предполагал, что никакие реформы демократического толка в подобной экономике не смогут реализоваться до тех пор, пока практически не начнется даже не ликвидация, а хотя бы ослабление государственно-монополистического строя.

«ОНС» Ведь монополизм по сути своей кардинально отличается от свободной экономики так называемого «рыночного типа».

В. Т. Конечно. Само название «монополия» происходит от греческих слов «monos», т. е. один, единый, единственный, и «poleo», т. е. продаю. Короче — единолично торгую. И там, где существует монополизм, не может возникнуть конкуренция между продавцами и покупателями. У покупателя нет выбора: и

*Интервью записано 25 ноября 1993 года.

качество товара, и его цена определяются производителем-монополистом, диктующим свои условия. Пока не ослаблен монополизм, трудно надеяться на появление той свободной конкуренции, которая и является основным двигателем прогресса производства, ключевым механизмом взаимодействия производителя и потребителя, подчинения производителя интересам и платежным возможностям покупателя. Здесь все взаимосвязано: укоренившийся монополизм не допускает возникновения рыночного состояния, а отсутствие конкуренции между покупателем и продавцом есть экономическая основа неизбежности возникновения, укрепления и развития монополизма. Поэтому в том давнем своем выступлении я говорил, что реформы в экономике должны начинаться с самого существенного, определяющего ее лицо и идеологию — с монополизма.

«ОНС» Вы тогда подчеркивали также государственную природу нашего монополизма, при котором власть над товарами и ресурсами принадлежит государству, усиливается и освещается политической властью. А потому, делали вы вывод, государственный монополизм неизбежно приводит к государству тоталитарного типа.

В. Т. Ведь наша хозяйственная система сформировалась отнюдь не случайно. Она была фундаментально обоснована Лениным еще до революции в работах по империализму и в ряде статей накануне революции. А в 1918 году, ратуя за создание системы государственного капитализма в России, он подчеркивал, что главной опасностью для советской власти является мелкобуржуазная стихия. И единственное, что поможет выручить большевиков,— это создание государственного капитализма, скажем, в течение полугода.

«ОНС» Вспоминаются ленинские определения, что государственный капитализм — полнейшая материальная подготовка социализма, что между империализмом и социализмом иных, промежуточных, ступеней нет.

В. Т. Ленин также указывал, какой вариант государственного капитализма он хотел взять за образец — военную экономику Германии. Он писал, что, по сути, вся она централизована, ее возможно подчинить единому плану. И достаточно заменить «капиталистическую» верхушку на «власть рабочих и крестьян», как мы получаем готовый социализм. Ленин и не представлял себе, что социализм возможен при какой-то иной системе, чем система государственного монополизма.

«ОНС» Самым важным для него тогда была борьба с мелкобуржуазной стихией.

В. Т. Именно в этом ключе он мыслил, когда писал о кооперации. Для него кооперация была лишь формой, позволяющей включать крестьянство в общий процесс государственной монополизации. И рассуждая в 1989 году о перспективах реформ, я высказывал опасение, что если мы начнем преобразования в экономике без радикального слома сложившейся государственно-монополистической системы, то велика вероятность, получить в ходе этих реформ экономику германского типа периода 1933—1945 годов. Помню у нас была длительная полемика с академиком О. Богомоловым, который, как мне кажется, не ощущал тогда, что главным препятствием на пути демократизации и либерализации нашей экономики будет укоренившаяся в ней система монополизма.

«ОНС» С тех пор прошло пять лет, а с начала реформ — два года. Что же мы сейчас имеем?

В. Т. Гайдар очень смело поступил, когда решил начать реформу с либерализации цен. Нельзя также забывать, в какой ситуации было принято это решение: потребительский рынок был разрушен полностью, рубль не работал, в

связях между предприятиями господствовал бартер и т. д. Я не могу сказать, что либерализация цен не дала ощутимых результатов, но результаты эти противоречивы. (Точно так же, между прочим, противоречивыми являются любые меры по либерализации экономики в любой стране и в любое время.)

Но что такое либерализация цен в наших условиях? По сути, она означает, что государственный аппарат высокого уровня отказался от права монопольного установления цены на все товары, производимые в России, но передал эти функции более низким уровням государственной структуры. Ведь девять десятых наших крупных предприятий все еще являются собственностью государства. Значит, функция установления цены была передана тем служащим государственного аппарата, которые руководят этими предприятиями. То есть монополия с уровня Кремля была спущена на уровень предприятия.

«ОНС» Ваши мысли перекликаются с идеями А. Ахиезера о том, что в социально-культурном плане нашей стране свойственно стремление к монополии на дефицит, стремление использовать продукцию для получения другого дефицита, для подчинения общества собственной монополии. И ослабление центра означает лишь перехват монополии на дефицит более низкими уровнями иерархии¹. Но, возвращаясь к нашему разговору, хочу спросить: в монополизме государственных предприятий вы видите причину того ценового скачка, который мы пережили после января 1992 года?

В. Т. Конечно. Иначе и быть не могло. Каждый руководитель предприятия получил право устанавливать цену на свой товар, не думая о том, какова толщина кошелька покупателя. Не надо забывать, что на тот период, безусловно, была крайне низкой зарплата людей, занятых в промышленности. Уже одно это толкало директора каждого предприятия как монополиста к резкому повышению цены.

«ОНС» Как, по-вашему, Гайдар предвидел такую ситуацию?

В. Т. Гайдар — умный человек, обладающий достаточной прозорливостью. Я уверен, что он чувствовал, знал, а, вероятно, были и расчеты, с достаточной степенью точности спрогнозировавшие рост цен. Но я не исключаю, что для Гайдара оказался в некоторой степени неожиданным резкий рост потребностей в наличных платежных средствах. Ведь у нас господствовала система безналичных расчетов. И мне кажется, что «команда Гайдара» рассчитывала на то, что механизм безналичных расчетов поможет смягчить платежный кризис. Но дело в том, что цифры дополнительной эмиссии безналичных кредитных ресурсов, даже просто написанные на бумаге, через 2—3 месяца неизбежно превращаются в наличность как минимум на треть. К тому же уже в 1989—1991 годах государственные предприятия отработали достаточно эффективный механизм превращения безналичных денег в наличные, используя кооперативный сектор экономики. Отсюда — острый кризис наличности весны-лета 1992 года. В то же время нельзя не видеть, что, по сути, быстрее всех приспособилась к первому шагу реформ, выразившемуся в либерализации цен, именно государственная промышленность.

«ОНС» Но в многочисленных публикациях, в различных интервью директоров предприятий она предстает как самая пострадавшая сторона?

В. Т. Нет, как раз для государственных предприятий освобождение цен оказалось выгодным. Спустившееся на их уровень монопольное право позволило им устанавливать на свою продукцию такие цены, какие они считали нужными. В

¹ См., например, А х и е з е р А. Дебри неправды и метафизика истины. «Общественные науки и современность», 1991, № 5, с. 35—36.

результате — цепочка роста цен, охватившая все вертикальные нити в экономике, начиная с добывающей промышленности и кончая отраслями по производству предметов потребления. Еще более укрепились позиции государственных предприятий как монополистов, позиции, которые всегда культивировались в нашем обществе. Разница лишь в том, что раньше пирамида монополизма замыкалась на Кремле или Старой площади, а теперь возникло множество локальных монополистических пирамид. И в каждой отрасли такие пирамиды заканчиваются даже не министерством, не государственным комитетом, а тем предприятием, которое производит данный продукт, не имея конкурентов, и обладает материальными ресурсами.

Есть и еще одна причина, по которой можно считать выигравшими от либерализации цен именно государственные предприятия. К началу реформ у нас уже сложилась социальная группа людей, занятых в свободном секторе экономики. Прежде всего в кооперативах. Эти люди обладали, по накоплением его в денежной форме. В период своего становления (в 1988—1991 годах) они были практически лишены права сути, только одной возможностью накопления капитала — доступа к материальным ресурсам: могли арендовать у государственного предприятия какие-то помещения, какое-то оборудование, а возможности получения материальных ресурсов были крайне ограничены. Основной их капитал функционировал и существовал в денежной форме. И этот капитал в результате ценового скачка стал быстро обесцениваться. Поэтому большинство производственных кооперативов ко второй половине 1992 года либо стали нищими, либо должны были использовать свой денежный капитал для быстрого оборота в сфере обращения — в оптовой и розничной торговле, в биржевых махинациях и т. п. Наиболее дальновидные обратились к сфере банковского капитала, ибо союзный закон о кооперации позволял создавать банки.

«ОНС» То есть кооператоры стали уходить из сферы материального производства?

В. Т. Да. Некоторые разорились, а кто-то просто вернулся в область теневой экономики, в которой родился и из которой вышел и легализовался в форме кооперативов или в иных формах. Но одновременно с обесценением денежного капитала стала резко расти масса капитала, материализованная в производственных ресурсах, которые находятся в монопольном пользовании государственных предприятий и государственного аппарата. То есть само изменение системы ценообразования, с одной стороны, привело к быстрому обесценению денег, а с другой — способствовало концентрации национального богатства, воплощенного в государственных производственных ресурсах, в руках людей, управляющих государственной экономикой. Либерализация цен не только расширила для некоторых групп населения возможности более масштабного предпринимательства (в основном в сфере обращения), но и способствовала мощному усилению монополистического характера производства и монополистических позиций руководителей государственной промышленности.

«ОНС» Но тогда почему столь активно против реформ выступает, например, А. Вольский, которого вполне можно назвать выразителем интересов руководителей государственной промышленности традиционного типа?

В. Т. Размышляя об этом, я задаю себе вопрос: предвидело ли правительство Гайдара тот результат реформ, который вылился в укрепление монополистического характера нашей экономики? Предвидел ли его Вольский и возглавляемый им «Гражданский союз»? Думаю, в полной мере — нет. Но дальнейшие шаги и правительства Гайдара, и правительства Черномырдина показывают, что правительственный аппарат в общем-то не хочет разрушения государственной экономики, т. е. экономики монопольного типа. И это не вина правительства. Ведь

там прекрасно осознают, что единственной и действительно мощной опорой политической власти является непосредственное господство над материальными ресурсами страны. Ослабление властных структур, которое мы наблюдали в 1993 году, обострение столкновений законодательной и исполнительной власти, которое привело к октябрьской трагедии, были объективно обусловлены начавшимися процессами приватизации, ослаблявшими государственный сектор экономики. Поэтому я думаю, что совершенно не случайно с весны-лета 1993 года началось сознательное торможение процесса приватизации с подключением арбитражных судов, прокуратуры и т. п.

Идеологией сохранения системы государственного монополизма наш государственный аппарат просто пропитан. И вопрос для меня в том, понимают ли руководители правительства, что эта идеология существует, дает ростки, может быть источником некоторых достаточно устойчивых тенденций. А ведь сама эта идеология роднит чиновников государственного аппарата и представителей «Гражданского союза». Они выступают, по сути, с одних и тех же позиций сохранения государственной экономики.

«ОНС» Но ведь мы видим, что противоречия между ними есть, и серьезные.

В. Т. Я думаю, что в данном случае источником противоречий являются не различия в методологических установках, в представлениях о том, каким должен быть у нас экономический строй, а самое элементарное — борьба за руководящие кресла. Руководители «Гражданского союза» стремятся занять свое место в системе государственной власти. Если исходить из положения о государственно-монополистическом характере нашей экономики, можно увидеть зависимость от правительственных решений руководителей не только государственных предприятий, но и предприятий акционированных. Многие их руководители вошли в ассоциацию, возглавляемую Гайдаром. Эти руководители находятся с правительством не просто в союзнических отношениях, а в отношениях подчиненности. Просто пользуются теперь иными экономическими рычагами — льготными кредитами, субсидиями, пролонгацией долгов и т. п.

«ОНС» Значит, по вашему мнению, структура нашей экономики с точки зрения ее социальных характеристик все еще не изменилась. Но можем ли мы сказать сегодня, что монополизм у нас ограничивается только государственным?

В. Т. Сегодня, по-моему, в стране возникает значительно более опасное явление, нежели наш традиционный государственный монополизм. Появились относительно самостоятельные, относительно обособленные от государственного аппарата монопольные группировки. Ярким примером таких процессов является переход более 20% акционерного капитала Уралмашзавода к двум негосударственным, достаточно крупным финансовым объединениям, непосредственно не связанным с правительством. Но и этим группировкам нужна органическая связь с правительственным аппаратом, обладающим массой производственных и финансовых ресурсов.

Мы привыкли к тому, что, осуществляя свои функции монополиста, государственный аппарат сконцентрировал в своих руках систему хозяйственного управления экономикой. Это была монополия вне какой-либо конкуренции, в частности и потому, что она объединяла властные функции и в политике, и в экономике. Но такое объединение порождало и некую ответственность правительства перед народом. Пусть на нищенском уровне, но поддерживалась гарантированная заработная плата, формировались так называемые «общественные фонды потребления» и т. д. И на каждой ступени аппарата чиновник знал, что он отвечает за результаты, диктуемые ему «сверху», и чувствовал страх наказания за неисполнение возложенных на него функций. Сегодня ситуация изменилась. Я вижу усиливающуюся опасность в том, что на почве идеологии государственного моно-

полизма начинают вырастать частные монополии, которые безответственны перед людьми и за материальные, и за социальные условия жизни. И эти, уже частные, монополии через своих ставленников срачиваются с правительством, заставляют его работать на себя. Государственный аппарат в таких условиях по-прежнему осуществляет политические функции управления, но уже в интересах частных монополистических групп. Такая ситуация для нас отнюдь не исключена.

«ОНС» Ход предвыборной кампании конца 1993 года показал, что предприниматели стремятся войти во власть. Они оказались в первых рядах списков различных избирательных блоков, выдвигались по многим избирательным округам. Этот факт вы расцениваете как подтверждение только что высказанной вами позиции?

В. Т. Все заявления о том, что предприниматели должны войти во власть, очень характерны именно для современной России. Везде и всюду, в любом государстве, даже в том, на которое ориентировался Ленин как на эталон государственного капитализма, предприниматели непосредственно во властные органы не рвались. Было другое — органическое сращивание монополий с правительством по пути либо личной унии, либо финансовой унии. Предприниматель же, лично идущий во власть, — это, по-моему, человек, сам служащий каким-то теньвым монополистическим объединениям. Именно им требуются свои чиновники во властных структурах. И когда я вижу знакомые мне лица, объясняющие с экранов телевизоров, что предприниматели только сами могут представлять свои интересы в парламенте, я убежден, что как предприниматели эти люди ничего из себя не представляют. Они выступают лишь как некие марионетки более крупных финансовых группировок, быть может, пока не проявившихся на поверхности.

Оценивая ситуацию, я думаю, что правительство видит выход из нее в том, чтобы на базе сложившихся государственно-монополистических структур создавать формально свободные рыночные, а фактически точно такие же монополистические структуры, связанные с правительством, но непосредственно в него не входящие. Я имею в виду развившуюся в последнее время идеологию формирования промышленно-финансовых групп, различных холдингов, возникающих на базе государственных структур. Причем в этих холдингах преобладающее место занимает государственный капитал. То, что руководитель холдинга не называется сегодня министром, по сути, ничего не меняет. Я думаю, что это явление достаточно опасное как в экономическом, так и в политическом плане.

«ОНС» В чем вы все-таки видите средства развития действительно рыночной экономики у нас в стране?

В. Т. Во всех странах носителем истинно либеральной экономики всегда выступал малый и средний бизнес и люди, его представляющие. Развитие малого и среднего бизнеса отчетливо проявляется как в становлении свободного демократического экономического строя, так и в формировании соответствующего демократического политического строя. Ведь представитель малого и среднего бизнеса — это человек, который хочет жесткого выполнения законов и свободы деятельности в пределах, установленных этими законами. Это человек, которому органически чужда постоянная смена правил игры в экономике. Наконец, малый и средний бизнес — та сфера, которая служит социальной базой подлинно свободных выборов, для свободного функционирования парламента как института, свидетельствующего об определенной степени демократизации общества, для демократического правительства, подотчетного тем, кто его выбирает. Например, в Японии 99,7% предприятий — предприятия малого и среднего бизнеса. И именно люди, занятые в этой сфере, составляют основную социальную опору японского парламента, да и правительства. Их большинство как избирателей, как налогоплательщиков, хотя эти 99,7% предприятий дают только 52% валового

национального продукта Японии, остальное приходится на долю предприятий-гигантов. Но именно малый и средний бизнес обеспечивает необходимую маневренность экономики страны, обеспечивает необходимые изменения структуры народного хозяйства. Промышленные гиганты ведь слишком неповоротливы и достаточно консервативны.

«ОНС» Каково, по вашему мнению, отношение к малому и среднему бизнесу в последние годы в нашей стране? В прессе довольно часто можно видеть сообщения о поддержке со стороны правительства малого и среднего бизнеса. Даже специальные фонды создаются. В частности, в ходе подготовки к декабрьским выборам Гайдар как о единственном исключении из жесткой финансовой политики говорил о введении налоговых льгот для малых предприятий производственной сферы и производителей товаров народного потребления.

В. Т. Пока это только слова. Наше правительство ни разу, ни в чем и нигде не оказало какой-либо государственной поддержки мелким и средним предпринимателям. Более того, как я уже говорил, либерализация цен 1992 года привела к ограблению людей, занятых в этой сфере. Можно показать, в чью пользу работает правительство. Не так давно наш монополист — «Автоваз» — удвоил цену на свои автомобили, а на них и до этого не было платежеспособного спроса. Чтобы поддержать монополиста, государство увеличило вдвое таможенные тарифы и акцизы на импортные автомобили. Торговлей у нас в стране занимаются как раз малые или средние фирмы. Причем наш покупатель благодаря их деятельности мог приобретать более качественные и дешевые автомобили, чем вазовские. Вот пример решения, несущего прямой ущерб как малому и среднему бизнесу, так и российскому покупателю автомобилей, но позволяющего монополисту укреплять свои позиции.

Поэтому сегодня я вижу, что мои опасения 1989 года оправдываются. Сознательно или неосознанно, исходя из ежедневной необходимости затыкать какие-то бреши в экономике или по каким-то иным причинам, мы идем по пути формирования монополистической системы экономики по типу экономики Германии периода 1933—1945 годов. Формально допуская свободное предпринимательство, мы в то же время создаем невыносимые условия для существования мелкого и среднего бизнеса, чтобы в массе своей он не смог составить конкуренцию крупным монополистическим объединениям.

«ОНС» Может быть, такое положение обусловлено, в частности, тем, что связанный с мелким и средним бизнесом средний класс как социальная база стабильности для нас все еще туманная перспектива. В реальности же большинство населения, избирателей — работники тех самых крупных монополистических предприятий, о которых мы говорили. И именно в стабильности и устойчивости своих предприятий многие видят гарантии собственного будущего. С этой реальностью правительство, по-моему, не считаться не может.

В. Т. И все же я думаю, оно не должно сбрасывать со счетов главную — политическую — опасность монополизма. Мне представляется, что активная борьба президента Франклина Рузвельта против крупного монополистического капитала в начале 30-х годов объясняется отнюдь не тем, что развившийся монополистический капитал начал серьезно уродовать американский рынок, в том числе ослаблять долю потребительского рынка в экономике США. И не тем, что он создал базу для широких экономических и политических спекуляций, для разветвленной системы коррупции государственных чиновников, а это стало уже опасным для самого существования государства. Но прежде всего тем, что Рузвельт предполагал возможность возникновения из государственного монополизма благоприятных условий для формирования тоталитарной политической системы в стране.

«ОНС» В свете всего сказанного возникает вопрос: имеется ли, на ваш взгляд, у реформаторов серьезно проработанная методология проведения преобразований, выработали ли они то, что можно было бы назвать «идеологией реформ»?

В. Т. У меня складывается впечатление, что нет. Ведь идеология реформ должна ответить на вопрос: к какому политическому устройству общества мы стремимся? Тут ведь дело совсем не сводится к тому, какова структура власти, отделена ли законодательная власть от исполнительной, какие противовесы имеет президент, чтобы ему не покачнуться ни вправо, ни влево в критические периоды. На мой взгляд, речь должна идти о том, в каких направлениях будет формироваться политическая структура нашего общества.

«ОНС» Пока такая структура, как показала вся осенне-зимняя предвыборная кампания, не сложилась.

В. Т. Яркое свидетельство тому — вавилонское столпотворение состоявшихся в ходе этих выборов блоков и партий, о которых, по существу, никто толком ничего не мог сказать. Возьмите предвыборные программы самых разных блоков, где, казалось бы, каждый должен особенно ярко «показать товар лицом». Если вы их проанализируете (а я сделал это), то, по сути дела, не обнаружите серьезных, принципиальных различий. Например, между программой блока «Явлинский—Болдырев—Лукин», с одной стороны, и Партией российского единства и согласия Шахрая — с другой. Да и их «оппонент» Травкин в своих выступлениях повторял то же, на что делает упор Шахрай: «Наша главная опора — регионы». Не понятно, что это значит. Какие социальные слои, какие политические группы представляет та или иная партия. Эти главные вопросы, без ответа на которые немислимо политическое структурирование, остаются непроясненными. Действенными у нас все еще являются не политические программы, а обаяние личностей людей, возглавляющих те или иные партии и избирательные блоки. Сами же программы по-прежнему сводятся к набору общих лозунгов. Все это свидетельствует о том, что политически наше общество еще не структурировалось, что еще не настало время, когда интересы каждой из сформировавшихся политических структур начнет выражать некая партия, создающаяся людьми, входящими в эту структуру, как абсолютно необходимая для этих людей. И, по-моему, это время наступит лишь тогда, когда наше общество политически структурируется и появятся серьезные концепции реформ, предполагающие их конечные результаты как в экономическом, так и в социальном, а значит, и в политическом плане. Пока же, как мне кажется, такой концепции нет. И потому существующие сегодня противоречия между блоками, например-демократического спектра, представляются мне чисто внешними. Это не есть расхождение по глубинным проблемам и представлениям о том, чем является сегодня и чем должна быть экономика России.

«ОНС» Но что должно быть, на ваш взгляд, положено в основу демократической экономической концепции для того, чтобы сделать жизненным провозглашаемый лозунг перехода к свободной рыночной экономике от административно-командной?

В. Т. Здесь я продолжаю отстаивать те же идеи, о необходимости которых говорил и в 1989—1991 годах. Еще тогда я считал, что реформа должна начинаться с четкого и жесткого провозглашения денационализации экономики, т. е. с отказа от государственной собственности. Причем, напомню, что в этом плане кое-что мне и моим единомышленникам удалось сделать еще в Верховном Совете СССР. Например, в законе об основах земельного законодательства удалось провести идею денационализации земли.

«ОНС» Насколько я помню, термин «денационализация» там не звучит...

В. Т. В законе была норма об отмене государственной собственности на землю и обращении земельных угодий в общенародное достояние. Далее следовали статьи, раскрывающие это понятие — возможности владения землей, ее долгосрочной аренды. В проекте закона была также запись, которая, к сожалению, не прошла через Верховный Совет, о том, что каждая республика определяет условия и сроки, по истечении которых владение землей превращается в частную собственность гражданина на землю. Была и еще одна сильная норма о том, что первичным субъектом владения землей является гражданин, а не какое-либо общественное или государственное образование (т. е. не колхоз или совхоз, а люди, там занятые). Тогда против этого очень возражал Горбачев. Но любопытно, что и после 1991 года данные идеи не находили понимания во властных структурах. Уже одно это давало материал для предположения, что приватизация у нас пойдет в очень куцем виде.

«ОНС» Судя по вашим высказываниям, вы не являетесь поклонником приватизации «по Чубайсу»?

В. Т. То, что идет за ваучеры, — мизер по сравнению с тем, что действительно необходимо приватизировать, причем в короткие сроки. Мне кажется, что должна быть создана комиссия независимых экспертов для беспристрастного, серьезного, объективного анализа того, в какой форме идет у нас процесс приватизации и каких результатов мы достигли на деле. На мой взгляд, приватизацию надо проводить значительно активнее и шире, чем сейчас, хотя, конечно, и с известными ограничениями, вытекающими из опасности монополизации экономики уже на основе частного владения.

«ОНС» Мы все время возвращаемся к теме монополизма как к главной базе и основной опасности для российской экономики. Эффективно ли у нас антимонопольное законодательство? В этой сфере мы многое заимствовали из законодательства развитых стран. Но ведь там закон направлен на недопущение монополии, у нас же монополия — жизненная реальность.

В. Т. Антимонопольное законодательство возможно только в условиях денационализированной экономики. Не может государство издавать законы, направленные против самого себя. Кстати, успех антимонопольной деятельности Рузвельта крылся именно в этом. Он поднялся значительно выше монопольных монбланов потому, что они составляли угрозу для него как главы государства. А как может выступать против монополий наш Антимонопольный комитет, если главным монополистом по-прежнему является правительственный аппарат, в состав которого входит он сам. Сегодня даже западные политические деятели и предприниматели, которые хотят способствовать развитию у нас частного малого и среднего бизнеса, со всеми своими предложениями вынуждены идти не непосредственно к своим российским партнерам, а к правительственным чиновникам. Они вынуждены укреплять правительственный аппарат, чтобы поместить в Россию свои капиталы, потому что иначе они просто ничего не смогут сделать.

«ОНС» И еще один вопрос хотелось бы задать. Насколько, по вашему мнению, эффективно в деле реформ используется имеющийся в стране потенциал общественных наук?

В. Т. Здесь очень многое меня тревожит и удручает. Прежде всего бросается в глаза то, что реформаторы-практики не просто не привлекают к работе, а даже отказываются от услуг многих людей, посвятивших свою жизнь изучению общественных закономерностей. Отсутствие таких контактов, как показывают про-

шедшие годы, приводит к ошибкам, которые могли бы быть исправлены еще на стадии теоретических проработок.

В то же время нельзя не видеть, что научные разработки в сфере общественных наук не поспевают за потребностями реформирующегося общества. У меня даже складывается впечатление, что научная работа в сфере социально-экономических исследований заглохла. Я не могу назвать действительно глубоких, носящих методологический характер публикаций. Не вижу и серьезных обоснований применяющихся на практике подходов, которые давали бы некую канву для размышлений человеку, желающему осмыслить происходящее. Важно, чтобы люди начали понимать, к чему могут привести сохранение государственного монополизма в сочетании с проводимой сегодня ограниченной приватизацией, с одной стороны, и концентрация монопольной собственности новых частных финансовых групп — с другой. А из понимания, возможно, вырастет и осознание необходимости подлинной, а не мнимой борьбы с монополизмом.

Н. Плискевич, В. Тихонов, 1994